

© 2001 г. М. ПАЛАДЯН

МЫШЛЕНИЕ И СИНТАКСИС

(Исследование позиции прошедшего партиципа)

Статья посвящается проблеме, которая, в отличие от других в грамматике почти не исследована. Речь пойдет о семантике прошедшего партиципа связанной с его синтаксической позицией. Исходя из методики Г. Гийома попробуем доказать, что эта позиция имеет решающее значение в каждом языке и что она отражает то своеобразие которое присуще каждой из наций. Обсуждение данного вопроса призвано также внести важные коррективы в ошибочные истолкования категорий вида и времени.

1 СОБЫТИЕ И ЯЗЫКОВОЕ ВРЕМЯ

Каждый язык имеет свои особенности. Они обнаруживают себя только тогда, когда исследование сосредотачивается не на происхождении, а на последней стадии осуществления всех явлений. Именно по этой причине, в большинстве случаев подходы лингвиста-типолога ограничиваются диахроническим перечислением аналогий и различий без каких-либо разъяснений. Однако как уже отмечал Гумбольдт: "Различие языков это не только различие звуков и знаков, а различие мировосприятий (*Ihre Verschiedenheit ist nicht eine von Schallen um Zeichen Sonden eine Weltansichte Selbst*)" [Humboldt 1995: 56]. Многие лингвисты интерпретируют язык в основном как знак, между тем, признавая коммуникативную функцию языка необходимо считать язык работой мысли (*Werke des Gedankens* – Гумбольдт). Конечно речь не идет о поисках некоей универсальной, заранее predetermined нормы – грамматического универсала – что само по себе явилось бы возвратом к наивному вавилонству (*babélisme*). Целью является исследование той или иной морфологической или синтаксической структуры в каком-либо языке, объяснение глубинных причин выбора, до прагматических функций, невзирая на то, что эти последние даны изначально.

У отклонений и различий есть свои предпосылки (истоки). Они не возникают просто так в связи с историческими явлениями (социологическая мотивировка). Эти различия обуславливаются мыслительными возможностями и относятся к Я з ы к у. Образы зафиксированные конвенцией – пишет Р. В. Лангакер, – воплощенные (одновременно лексически и грамматически) в единицы языка, являются решающими для этих единиц. [Langacker 1991: 107].

Необходимо отметить что наш метод не предполагает, как можно было бы подумать, толкования мысли как таковой. Его цель – анализировать те пути которыми выражается мысль.

Попробуем рассмотреть прошедший партицип именно с этой точки зрения. Каждой его позиции (но не месту¹) в мышлении соответствует конкретное значение. Особый интерес тут представляет партицип в немецком языке, который неизвестно почему помещается в конце предложения, после дополнений и обстоятельств.

На первый взгляд это является нарушением общепринятой в европейских языках структуры, в частности, в английском и во французском языках партицип ставится сразу после вспомогательного глагола¹.

¹ В некоторых случаях в английском языке также вспомогательный глагол отделен от партиципа что и приближает его к немецкому: 1) *I have my car parked outside* 2) *She had her driving licence taken away*.

Если говорить об армянском языке (которому отводится особое место в нашем исследовании), имеющем три формы прошедшего совершенного (Perfektum):

1. *Kartaci* ("Я прочитал") – действие завершается в настоящем;

2. *Kartacel em* ("Я прочитал") – о прошедшем действии говорится в настоящем;

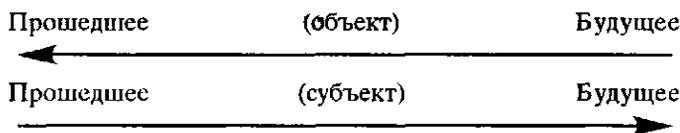
3. *Kartacac em* ("Я читавший") – у партиципа атрибутивная функция,

то в нем уделяется особое внимание разным позициям партиципа на пути пространства/время. Следует отметить, что в первом случае (в восточноармянском) проблема нейтрализуется, поскольку форма *kartaci* имеет ту же морфологию, что и оторванное от настоящего прошедшее совершенное (в немецком – Preterit). Какое именно прошедшее имеется в виду, определяется контекстом.

Все эти явления, как увидим далее, связаны с разными представлениями о л и н и и в р е м е н и. И в каждом отдельном случае они отражают аналитическое восприятие времени, мизансцену времени и пространства (соответственно, действующих лиц и обстоятельств).

И лингвисты, и философы неоднократно утверждали, что время не может само представлять себя, что его можно воспринять лишь благодаря возможностям пространства. Это бинарное представление времени. С одной стороны – объективное время, которое, начинаясь в будущем, уходит и исчезает² в прошлом (согласно Гийому, "опускающееся время"), оно определяется событием. С другой стороны – субъективное время, которое начинается с человека, открывает перед ним перспективу, благодаря которой становится возможной организация человеческой деятельности ("поднимающееся время", по Гийому). Оно определяется моментом речи³. Из этого вытекает то обстоятельство, что мы воспринимаем события снаружи. Будь то настоящее или прошедшее несовершенное, оба они суть симуляции. С событием совпадает лишь перформативное настоящее.

Итак, субъективное время есть перевернутое представление объективного времени. Если сравнить это явление с фотографией, то можно сказать, что мы имеем дело с позитивным изображением по отношению к негативному. Под негативным изображением мы подразумеваем не само объективное время, а его изначальное топологическое изображение; говоря философским языком – "кантовскую схему". Две эти линии будут выглядеть следующим образом:

² Исчезает ли поток времени на самом деле? Вот еще одна тема для философского обсуждения. Известно, что некоторые цивилизации обладают макроскопическими концепциями циклического времени: "(...) such that the events that are happening at the present moment are reflections of events that occurred in a previous cycle, and will in turn be reflected by the events in each subsequent cycle" [Comrie 1985: 4–5]. Это уже не так далеко от ницшеанского "вечного возвращения". Дело в том, что вопреки языковому времени (моменту речи) объективное время не имеет точки отсчета. В сравнении с чем передать событие? Если считать *время* и *пространство* законченными явлениями, то само собой разумеется, мы должны принять также возможность циклического времени.

³ Один из трех пунктов момента речи – "сейчас" – также нужно считать относительным. Так в некоторых языках понятие *утро*, например, не начинается с рассвета, – прошедшая ночь также относится к *сегодня*: "Where a tense opposition exists correlating with the change of days, it seems that is simply taken to correspond with the individual's or the culture's conception of the dividing line between the day, and there seems to be evidence for saying more on this topic with regard to the linguistic reflection of this cut – off point" [Comrie 1985: 89].

Для того, чтобы проиллюстрировать эти две траектории (объективное и субъективное время) приведем два примера, которые мы заимствовали у Л. Госселена [Gosselin 1996]:

(1) *Конец века приближается* (объективное время).

(2) *Мы приближаемся к концу века* (субъективное время).

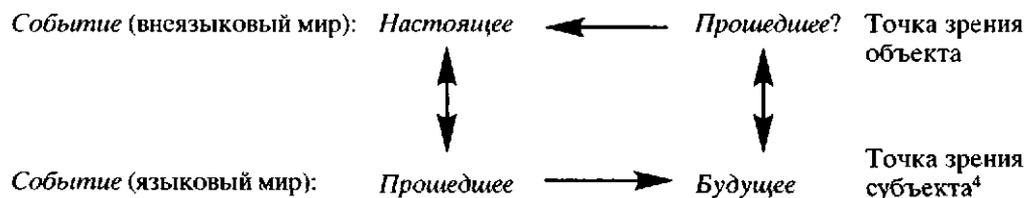
Здесь необходимо отметить, что представление объективного времени сманктико-знаковое, поскольку линейность языка заставляет нас перевернуть события. Впечатление объективного времени создает позиция подлежащего. Эти две траектории идут в противоположном друг другу направлении. Когда, к примеру, мы говорим: *Вильгельм приблизил день своего свидания* – мы даем оба направления времени одновременно. Одно – предположительное (на линии объективного времени, "Вильгельм приближается к прошлому" – к реальному месту встречи), другое – указанное (на линии субъективного времени "Вильгельм подходит к будущему").

Бинарность времени отражается в языке. Писать (говорить) означает мысленно линейно выстраивать перед собой внеязыковое событие, с которым мы всегда во временном несоответствии – слово всегда запаздывает. Мы реорганизуем прошлое: "Обозначающее, – писал Ф. де Соссюр, – которое является слуховым явлением, возникает во времени: а) оно представляет пространство; б) это пространство можно изменить лишь в одном направлении – по линии" [Saussure 1995: 103].

Речь, как таковая, есть некое мыслительное действие, которое можно представить в виде кинетической линии. Оно завершается предложением. В представлении говорящего лица это поднимающаяся, кинетическая линия. Говорить (писать) – то же, что и, исходя из одной точки отсчета (то есть момента речи), возвращаться к событию, к началу, переворачивая направление движения объективного времени. Однако вернемся еще раз к внеязыковому событию.

Чувство времени возникает в связи с какими-либо происшествиями, изменениями состояний. И это возможно в связи с тем, что мы чувствительны ко времени – неоспоримый постулат. Но мы видим только настоящее события, настоящее, которое мы делим на фазы. Если взять в качестве аналогии театр, то можно сказать, что нам дано видеть лишь то, что происходит на сцене. Однако для нас смотрящих событие имеет свое прошлое. Что же собой представляет это *до* события? Благодаря происшествию, мы различаем *до* и *после* события. Но это *до* может одновременно быть *после* другого события. В любом случае, это *до* должно быть для нас прошлым событием. Нам трудно игнорировать понятие начала, как и в теории "Big Bang" в астрофизике. Парадокс заключается в том, что прошлое событие соответствует будущему субъективного времени. Мы переживаем в будущем то, что принадлежит прошлому. Что было до события, нам предстоит узнать. (Вспомним фильм Антониони "L'Avventura".)

Таким образом, переход к субъективному времени сам по себе приводит к изменению точки зрения.

⁴ Именно это странное соотношение отражает язык *Wuip*, к которому обращается Б. Комри. В этом языке употребляется одна и та же морфема, как для только что прошедшего, так и для будущего времени: 1) *Nkou* ("Я увидел его утром"); 2) *Tou nkou* ("Я его увижу").

Напомним, кстати, этимологию слова *настоящее* (Present). Оно происходит от латинского *praesens*, что означало: "быть впереди, на сцене".

Момент речи, с которого начинается организация поднимающегося времени, сам по себе также является происшествием, которое имеет свое собственное прошлое. Момент речи, или время *De dicto*, как его называет Земб [Zemb 1984: 59], не возникает из ничего. Он также предполагает оперативную длительность: фиксирует языковое событие, умалчивая о своем прошлом. Имеет ли это прошлое какую-либо связь с прошлым внеязыкового события, сказать трудно. Как бы то ни было, сама речь есть также событие.

Рождение слова (речи) автоматически создает перспективу времени, воспоминание, то есть, с одной стороны, прошлое, с другой – будущее. Языковое время существует благодаря моменту речи, однако время, как уже отмечалось, имеет аналитическую сущность, и оно, еще до того, как войти в речь, уже в мышлении. "Можно подумать, – писал Бенвенист, – что время создается в рамках мышления. Однако оно, в действительности, создается речью" [Benveniste 1974: 83–84]. Это безусловно верно, но ведь речь есть уже результат. Прибегнем к достаточно неожиданной аналогии: телевидение существует не благодаря изображению на экране, а благодаря улавливающей волне и находящейся за аппаратом трубке. Значит, нужно признать, что время все-таки возникает сначала в рамках мышления. Впрочем, если учесть тот факт, что момент речи одновременно есть то пространство, где находится Я говорящего, то нужно признать, что вероятность Я говорящего виртуально также уже существует в мышлении. Возможно, Декарт был прав...

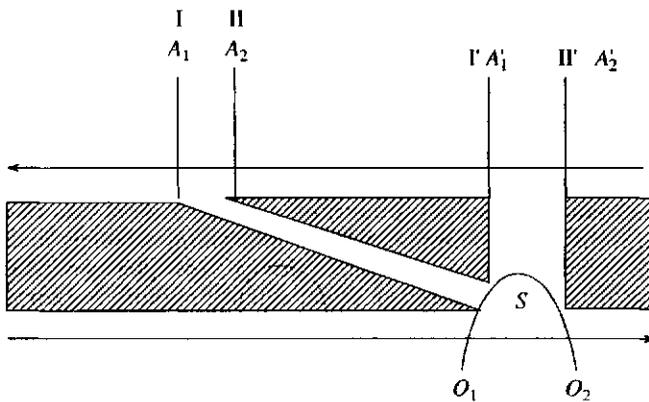
Рассмотрим теперь проблемы, связанные с так называемой "линией времени".

Как указывал Г. Гийом [Guillaume 1987: 48, 133], перемещение точек зрения – один из постулатов повествования. Рассказывать о чем-то с самого начала, включая самые первые мгновения события, означает повествовать в прошедшем времени: логическое начало события в прошлом. Как отмечает М. Тэрнер [Turner 1996], каждое предложение есть повествование и предполагает оперативное время. Проблема партиципа связана именно с этим явлением. Поскольку партицип приставлен к вспомогательному глаголу, который дан в настоящем времени, он теряет, в какой-то степени, свой статус начала и попадает в зависимость от момента речи. Но прежде рассмотрим, как формально организовано прошедшее совершенное (Perfektum).

2. ПОЗИЦИИ ПАРТИЦИПА

Видовременные представления, вообще, реализуются в интервалах трех типов (по линии субъективного времени). Каждый интервал, как показывают современные исследования, имеет свои границы, каждая из которых обладает познавательным (cognitive) значением:

- A_1/A_2 – Границы процесса слева и справа, открытие и закрытие. Эти границы могут принадлежать процессу или могут быть отмечены с помощью обстоятельств (внутренние и внешние границы), например *он прочитал* и *он читал два часа*.
- O_1/O_2 – Длительность момента речи. Своей познавательной значимостью этот интервал определяет точку отсчета. Его нужно учитывать даже тогда, когда он не фигурирует в предложении.
- I/II – Все то, что говорящее лицо выделяет из всего процесса, подобно композиционному кадру в живописи. Внимание сосредотачивается на той или иной части процесса. Говоря словами Л. Госселена, это – *временное окно*. Оно может совпадать или не совпадать с границами процесса.

Прошедшее современное (Perfektum, Passé composé, Present perfect) совмещает две разные языковые формы: вспомогательный глагол и партицип. И каждый из них имеет свои границы (см. схему).

Вильгельм съел яблоко:

A_1/A_2 : процесс, выраженный партиципом

A'_1/A'_2 : процесс, выраженный вспомогательным глаголом

I/II: "окно" партиципа

I'/II': "окно" вспомогательного глагола

O_1/O_2 : временной промежуток момента речи.

Можно сказать, что прошедший партицип (кроме пассивного спряжения) передает весь процесс в целом, как аорист. Нам известны начало и конец, к чему прибавляется сведение, определяющее время (в прошлом). Что касается *окна*, то оно открывается и на прошлое и на настоящее (результат действия в настоящем).

Perfektum в немецком языке стремится сохранить логику объективного времени, хотя его структура линейна, как и во всех других языках. Немецкий дает сначала вспомогательный глагол, который логически совпадает с выраженной в партиципе замыкающей границей, или точнее, здесь встречаются замыкающая граница процесса партиципа и открывающая – процесса вспомогательного глагола.

Такая синтагма начинается настоящим – моментом речи; говорящее лицо постепенно раскрывает так называемый *ковёр времени*, направляясь к событию (второй рельефный момент). Немецкий язык завершает предложение логическим началом, подчеркивая первичную функцию вида. Немецкий партицип наполовину уже подвержен лексикализации (глагол здесь не имеет своего временного динамизма, это уже не вполне глагольная форма):

(3) *Karl hat 20 Stunden gearbeitet.*

Тот факт, что партицип в немецком может употребляться также для выражения будущего, показывает, что мы имеем дело с лексикализированной формой глагола. Ведь будущее время в немецком не имеет специфической морфемы.

(4) *Morgen bin ich schon abgefahren.*

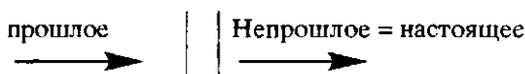
В германских языках линия времени – подвижная и разделительная. Германские языки отказываются показать то, что невозможно, – время, которого уже не существует. Настоящее для них – последняя точка прошлого, объективное время с обратной стороны. Утратив динамизм, время превращается в пространство.

Прошедшее совершенное (Perfektum) в романских языках характеризуется тем, что оно стремится сохранить целостность процесса и момента речи, тогда как германские языки соглашаются с разделением настоящего и прошедшего. Прошедшее событие присваивается подлежащему в качестве атрибута.

Перемещение партиципа в конец предложения создает путаницу в синтаксических позициях. Употребление немецкого партиципа после дополнений и обстоятельств автоматически как бы придает ему статус дополнения. По этой причине Ф. Шанен [Schanen 1981] приходит к выводу о том, что Perfektum – это результат какого-то процесса, который в какой-то момент присваивается подлежащему⁵. Однако, прежде чем обратиться к этой новой проблематике, задержимся еще немного на особенностях различных восприятий линии времени.

Анализируя настоящее время в германских языках, Гийом уже отмечал, что оно результат обрыва, точка разделения, которая, "еще до проявления наклонений разделяет время на два этапа: с одной стороны, прошлое, которое проходишь в обратном направлении, а с другой – настоящее как прекращение прошлого (когда кончается то, что было прошлым)" [Guillaume 1985: 63].

Немецкий язык отказывается соединять прошедший партицип, который является мертвой формой временного напряжения (потеря события как такового), с настоящим, которое логически является будущим события.

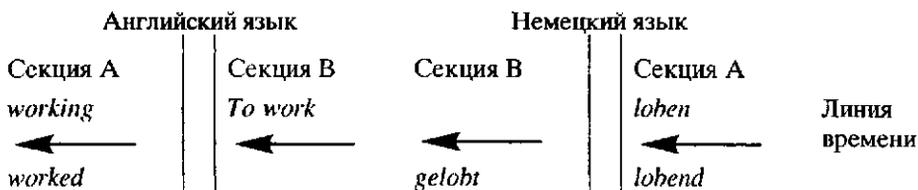
Д. Бикертон [Bickerton 1982] справедливо отмечает, что уже испытанное (предшествующее) время выражается вообще в том, что лексикализация преобладает над грамматическим временем. Согласно Бикертону, эволюция детской речи показывает, что ребенок сначала фиксирует ± пунктуальные, ± действительные отношения. Только после этого он переходит к предшествующим и последующим отношениям. Одним словом, можно сказать, что *вид* приходит до *времени*. Различные черты события в человеческом мышлении не имеют одинаковой степени важности и одинакового познавательного результата. Познавательная психология (*psychologie cognitive*) выделяет наиболее важное из них и дает им название – *рельеф*, а иногда – *выпуклость*, что происходит от английского *salience*. Эти черты способствуют фиксации идущей от мира информации, процессу восприятия. Это – фигуральные черты. Цвет, форма, позиция и вообще, все то, что относится к пространству, входит в эту категорию. По причине того, что прошедший партицип имеет на линии времени замкнутое пространство, он, по-видимому, входит в эту категорию. Черты события фиксируются сначала в *виде*. Такой язык, как русский, например, особо чувствителен к этому явлению. *Вид* в качестве фигуральной черты быстрее входит в поле перцепции, нежели временное предшествование. *Вид* ближе к *пространству*, чем ко *времени*⁶. Когда мы говорим: *Он разбил стакан* в поле наших чувств входит сначала сломанность стакана, определение времени приходит потом. Мы фиксируем наше внимание на рельефе⁷.

Тут возникает новый вопрос, почему английский язык строит свой Present perfect как французский. Согласно Гийому [Guillaume 1985: 63], это результат разделения совершенного (секция А) и несовершенного (секция В) видов. Но все равно, линия времени в английском разделительная.

⁵ Не случайно он в немецком отвечает на вопрос *что?*

⁶ Мы имеем дело именно с этим явлением, когда по-русски говорят: "Ну, я пошел!", в то время, когда говорящий еще стоит. Он видит себя уже ушедшим, и прошедшее совершенное здесь в основном вид, в семантизме глагола отсутствует черта движение/время. *Я пошел* можно перевести как "Я ушедший".

⁷ Лингвистам знаком бирманский язык (Burmese), в котором нет временных различий, он отмечает лишь действительные или недействительные семы. Временная референция второстепенна. Время – не грамматическая категория. Конечно, было бы ошибочно предложить, что этот язык не знаком с временными различиями, время тут связано с контекстом, не подвергнуто фокализации.

Вне зависимости от этих замечаний, внеязыковая логика требует, чтобы, как и в случаях повествования, говорящее лицо отметило сначала прошлое (начало). Именно этим и определяется французская синтагма. Она дает предпочтение датированию. Француз воспринимает *Passé composé* сначала как *время*. Во французском мы имеем дело с грамматическим подходом.

(5) *Karl a travaillé 20 heures.*

Германские языки отказываются от совмещения точек зрения прошедшего и настоящего, дают преимущество или первому, или второму. Разделение таково (как например, в английском), что достаточно минутного перемещения во времени и другой точки зрения, чтобы предложение перешло к прошедшему современному, оторванному от настоящего прошлому:

(6) *She has just gone out (for a few minuts)*

(7) *She just went out a few minuts ago.*

В этих двух предложениях то же событие представлено по-разному. В предложении (6) – событие произошло только что, и вспомогательный глагол *has* "держит" подлежащее в пространстве момента речи. В предложении (7), несмотря на близость события, временная информация, которая дана в синтагме наречия (*a few minuts ago*), не допускает формы *Present perfect*. Когда точка зрения вне момента речи (фокализация на событии), английский переходит к оторванному от настоящего прошедшему совершенному (*Past simple*; ср. фр. *passé simple*).

Той же логике подчиняется настоящее время в английском. По-французски можно сказать: *Jean travaille ici depuis 2 ans.* "Жан работает здесь уже два года". Но это невозможно в английском: **John works here for two years; *John is working here for two years.*

Настоящее время в английском не в состоянии вобрать в себя хотя бы частичку прошлого. Оно только настоящее⁸. Вышеупомянутое предложение допустимо, если ему дать значение будущего времени (*two years* в будущем времени). Настоящее время в английском не принимает ретроспекции, оно только перспективно. Настоящее время в английском и немецком языках, как отмечалось, есть точка разделения между прошлым и последующим промежутком времени. Разделение таково, что достаточно, чтобы одна из ситуаций воспринималась как прошлое, чтобы все предложение перешло в *Past simple*:

(8) *C'est la premiere fois que je mange du caviar.*

(9) *This is the first time I ever ate caviar.*

(10) *This is the first time I have ever eaten caviar.*

"Примечательно, – пишет Гийом о французском *Passé composé*, -- что этот двучастный глагол спрягается как простое глагольное время. Формы спряжения реализуются с помощью вспомогательного глагола. Интересно, также то, что как бы *Passé composé* не был составным, он имеет ту же цельность, что и простое глагольное время.

Используя психомеханический анализ, мы убедимся в том, что вспомогательный глагол – это результат перерыва и процесса идеогенеза, и процесса морфогенеза. (...)

⁸ Настоящее в английском относится к совершенному виду (*Aorist*). Процесс дан в целостности. Для того, чтобы дать действие в развитии, необходимо использовать морфему *-ing*.

Вспомогательный глагол – не завершённый. Полнота смысла приобретает за счет употребления другого слова – *participe*" [Guillaume 1988: 55].

Французская синтагма дает смысловое дополнение сразу⁹, в то время, как в немецкой, которая более аналитична, оно появляется поступательно, по частям. Здесь встречаются синтаксис и семантика. Отметим сначала одно постоянное и значимое явление – позицию актанта, строящего предложение. Подлежащее, вообще, употребляется со вспомогательным глаголом и находится вне события (партиципа). Партицип, как мы отмечали, не имеет напряжения, динамизма простого глагольного времени, и именно поэтому не предполагает лица. Проблематика глагола (времени) как утверждает Гийом, связана с действующим лицом, и здесь уместно перейти к партиципу в армянском языке.

Партицип в армянском (во втором прошедшем современном) образуется посредством темы прошедшего совершенного – *-c* (3-е лицо) (*kartac*), к которому прибавляется инфинитивное окончание *-el* (*kartacel*). Это сложный грамматический процесс. После формирования совершенного вида (*-c*), партицип возвращается к инфинитиву (*-el*), который и прерывает образование лица и особенно времени.

Что касается аналогичного окончания в западноармянском варианте *-er*, то Г. Ачарян [Adjarian 1957: 215] считает, что это коррекция восточноармянского варианта *-el* во избежание путаницы между инфинитивом и партиципом. Но мы хотели бы сосредоточить внимание на другом явлении. Инфинитивы с окончанием *-al* (*kartal*), которые представляют процесс типа "ateliq" (то есть без окончательной фазы), переходя в партицип с окончанием *-el* переходят к "teliq" (то есть процессу с окончательной фазой). Партицип с окончанием *-el* выступает только в роли глагола. Переход в другую категорию недопустим. В то время, как это возможно с партиципом на *-ac* (3-е прошедшее совершенное). Современный восточноармянский форму *Harakatar nerka* ограничивает семантизмом прилагательного (Perfektum со значением прилагательного). Тогда как западноармянский сохраняет глагольный семантизм: *Hognac em* "я устал" (западноармянский) и *Hognel em* (восточноармянский)¹⁰.

А. Донабедян неверно интерпретирует этот второй партицип (*-ac*). Она считает, что партицип на *-ac* получает значение опыта, потому что процесс его инфинитива (который не переходит к другому актанту) изначально нерезультативен: "Результативность формы *harakatar nerka* в глаголах этого типа может иметь только значение опыта: *Annap kə gitnau. Amerika gasac e* (Анна знает, она ездила в Америку)" [Donabedian 1998: 25].

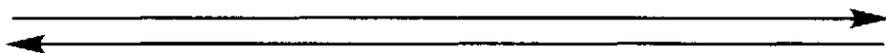
Прошедший партицип *gacac* происходит от указывающего результат глагола типа "teliq" – *gnal*. Если он свидетельствует об опыте (тип "ateliq"), то это благодаря суффиксу *-ac*. В таких конструкциях партицип на *-ac* просто указывает невозможность глагола покинуть полюс подлежащего (начало непереходности). Тип глагола тут не принципиален (*kotorel* – "разрезать" дает партицип *kotorac*). Проблема в другом: по сравнению с формой *varakar nerka* (*kartacel*) *harakatar nerka* (*kartacac*) представляет собой форму, которая по своему значению на временной оси как бы до партиципа (как глагольной формы), то есть перемещение к атрибутивной позиции или переход в сторону пространства. Одним словом, переход уже в другую категорию (прилагательного). Отсюда и статичность *harakatar nerka*.

⁹ Этим явлением объясняется употребление полной формы вспомогательного глагола в английском, когда он употребляется при ответе. Поскольку смысловое дополнение (*particip*) отсутствует, вспомогательный глагол реализует одновременно две функции: "Have you seen her? – Yes, I have".

Когда глаголы *do*, *be* и *have* имеют свое изначальное полное значение, они более не сокращаются: *She has a car*/**She's a car*.

¹⁰ *Es asxatac em* (западноармянский) – "я работал"; *Ir hayrə tesac es?* (западноармянский) – "Ты видел его отца?"; *Nra hora tesel es?* (восточноармянский) – "Ты видел его отца?"

СУЩЕСТВ./ГЛАГОЛ	ПРИЛАГ./ГЛАГОЛ	ГЛАГОЛ
ПРОСТРАНСТВО/время	Пространство/ВРЕМЯ	ВРЕМЯ/Пространство
<i>Kartal</i>	<i>Kartacac</i>	<i>Karatvel</i>
(Инфинитив)	(Partizip I)	(Partizip II)

Перемещаясь в сторону пространства, то есть лишаясь черт времени, Partizip I получает возможность участвовать в других глагольных временах: *Hognac em* ("я устал"), *Hognac ei* ("я был уставшим"), *Hognac klinem* ("я буду уставшим"). Интересно, что это последнее время не принимает *varakatar* (Partizip II). Это можно объяснить тем, что Partizip II теряет свою сему "действие/время" лишь наполовину, он еще во временном напряжении (*Tensiv*), что и объясняет его конкуренцию со семантизмом будущего времени. Поскольку тема инфинитива *-el* отмечает виртуальность (то есть возможность времени, лица, модальности), *varakatar* не может употребляться в будущем времени. Партицип с окончанием *-ac*, как сказал бы Гийом, растратил свою временную и динамическую способность, может употребляться в будущем времени.

Отметим здесь, что окончательно переходя ко времени, глагол в армянском языке реализует также лицо, тогда как в случаях *varakatar* и *harakatar nerka*, лицо выражено в вспомогательном глаголе:

Kartacel em – лицо дано во вспомогательном глаголе;

Kartaci – лицо дано в самой глагольной форме.

Это явление еще раз подтверждает правоту теории Гийома, согласно которой семантизм глагола изначально связан с категорией лица. Каким образом с исчезновением глагола исчезает и лицо, можно пронаблюдать на следующих примерах:

(11) *Враг разрушил город* – время + лицо.

(12) *Город разрушен врагом* – начало превращения в прилагательное (*adjectivation*), потеря динамизма.

(13) *Разрушение города* – потеря времени и лица.

Само движение/действие в армянском реализуется только в прошедшем совершенном I. Это та же форма, что и оторванное от настоящего прошедшее совершенное (*Preterit*).

Поскольку форма *hogneci* еще держит свой временной динамизм (действие продолжается до настоящего), она не столь замыкающая, как форма *hognel em*, которая к моменту речи уже потеряла свою оперативность (*Perfektiv*). Форма *hogneci* имеет поднимающийся кинетизм, тогда как форма *hognel em* содержит наполовину поднимающийся, наполовину спускающийся кинетизм. А форма *hognac em* полностью спускающийся кинетизм (реализованное время). По сравнению с *hognel em* (наполовину динамический) *hognac em* выражает полную статичность, и именно поэтому подвергается лексикализации. Отсюда и семантические нюансы, которые, в большинстве случаев, при переводе ускользают от внимания. Сравним:

(14) *Šat kayleci, hogneci*. "Я много прошагал, устал".

(Наречие + *passé composé* + *passé composé*)

(15) *Šat kayleci, hognel em*. "Я много прошагал, устал".

(Наречие + *passé composé I* + *passé composé II*)

(16) **Sat kayleci, hognac em*. Предложение не допустимо с *passé composé III* и непереводимо.

В (14) событие завершается в момент речи. Это прошедшее совершенное I характеризуется тем, что действующее лицо, действие которого считается завершенным, может, как отмечает Ж. Муанье [Moignet 1980: 112] "быть в состоянии снова начать его". Точка зрения здесь настоящего времени, а это означает, что это субъективное суждение. В (15) событие *hognel* упоминается как результат¹¹, и в связи с этим оно получает большую объективность, оторвано от момента речи. Выходит, что результат предполагает остановку оперативности. Можно считать, что в (14) действующее лицо еще будет в состоянии продолжать шагать, но не в (15), где его уже невозможно об этом попросить. Для того, чтобы французский (немецкий, русский) перевод был более точным, мы вынуждены прибавить к предложению несколько слов.

(17) *Я много прошагал, устал (hogneci)*.

(18) *Я много прошагал, валюсь с ног (hognel em). J'ai trop marché, je suis crevé.*

*Предложение с партиципом *hognac* недопустимо.

По причине уже начавшейся лексикализации, форма *hognac* указывает на постоянный атрибут, то есть оказывается впереди *kayleci*. Синтагма *šat kayleci* будет восприниматься как следствие *hognac em* и превратит высказывание в абсурд.

В английском языке смещение партиципа к категории прилагательного выражается в том, что партицип ставится впереди существительного:

(19) *The door is locked – the locked door.*

(20) *The glass was broken – the broken glass.*

Однако английский может пойти еще дальше, стирая полностью семантизм глагола, превращая грамматическую форму в лексическую:

(21) *The door is opened at 7. It is open now.*

А. Жоли и Д. О'Келли [Joly, Kelly 1990: 162] отмечают, что противопоставление этих двух форм "дает в большинстве случаев интересные семантические нюансы: *a cleaned room* не всегда означает, что комната чистая (*a clean room*): *почищенная комната* (*that has been cleaned*) может и не быть чистой (*clean*)". Выходит, что форма *clean* предшествует форме *cleaned* (сема действие/время).

Перемещение в сторону *do* глагола (к прилагательному) существует также в немецком и французском. При этом перемещении партицип в немецком (и во французском) теряет вспомогательный глагол и превращается в прилагательное.

(22) *Die am 10 april ausgezogenen Mieter*. "Квартиранты ушедшие 10-го апреля".

Перемещение в сторону *do* глагола непосредственно воздействует на *д* и *а* т е з и с (размещение действующих лиц). Результат – сокращение актантов, поскольку объект заменен субъектом, который берет на себя роли *а* г е н с а и *п* а ц и е н с а. Здесь нет, как считает Донабедян [Donabedian 1998] аннулирования пациенса. Из-за того, что не проводится четкой грани между *с* у б ъ е к т о м и *о* б ъ е к т о м, с одной стороны и *а* г е н с о м и *п* а ц и е н с о м – с другой, анализ запутывается. Действующее лицо (*а* г е н с) и *п* а ц и е н с – внеязыковые роли. *Субъект* и *объект* – внутриязыковые представления. Шевалье [Chevalier 1978] предлагает термин "место" (*site*), для обозначения конституирующего событие лица. В форме *tesel em* ("я видевший") субъект выступает одновременно и как причина и как реализация "места". Субъект представляется как место операции "видеть", которой он одновременно управляет. То есть

¹¹ "the perfect (...), – пишет О. Есперсен, – is itself a kind of present tense, and serves to connect the present time with the past. This is done in two ways: first the perfect is a retrospective present, which looks upon the present state as a result of what has happened in the past; and second the perfect is an inclusive present, which speaks of a state is continued from the past into the present" [Jespersen, v. IV: 47]. Выходит, что в армянском, кроме этих двух функций существует еще одна функция.

субъект с одной стороны отмечает, что он видел, с другой стороны, видит себя видевшим. Субъект – агенс одновременно и в процессе и вне его. Форма *hognac em* продвигает анализ еще дальше. Здесь субъект еще больше вне процесса, поскольку форма *hognel em* еще сохраняет глагольное напряжение. Именно по этой причине форма *hognac* легко переходит в прилагательное и употребляется с существительным, которое уже не связано с территорией "Я" (Я + Ты).

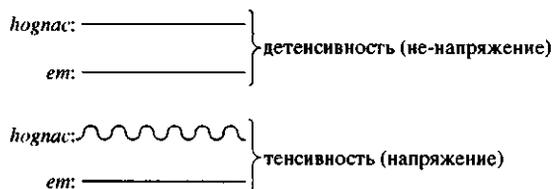
Итак, относительно диатезиса, можно сказать, что лицо в форме *hognac em* является элементом, обуславливающим возникновение "места" (site), а в форме *hognel em*, оно еще и оперативно. По сравнению с глагольными системами немецкого, французского и английского языков, которые не передают этих нюансов (отсутствует соответствующая морфологическая форма), армянская глагольная система удивляет своей сложностью:

+	оперативность	–
<i>hognel</i>		<i>hognac</i>

Вспомогательный глагол *em*, в армянском, предполагает вспомогательный глагол "иметь" (*avoir*). Это его внесобытийная часть. Если армянский выбрал вспомогательный глагол "быть" (*linel*), то это для того, чтобы сохранить атрибутивное значение партиципа. Другие языки выбрали глагол "иметь", вероятно, в связи с *видом*.

Как уже отмечалось, категориальное перемещение партиципа на *-ac* к существительному – частое явление: *Hodvac* (статья), *Xorovac* (шашлык), *Harvac* (удар) и т.д. Переход в существительное происходит естественным образом¹². Потребность во внешнем семантическом дополнении зафиксирована в семантике прилагательного и глагола. Глагол может освободиться от этой потребности, переходя от времени в пространство. А прилагательному достаточно перейти во *время* для превращения в глагол. Сам глагол в настоящем и в прошедшем несовершенном временах включает в себе частицу пространства. Настоящее время в восточноармянском, например, сочетает пространство и время. В синтагме *grum em* ("я пишу") форма *grum* предложный падеж инфинитива *grel* (писать), а падеж, как известно, свойство существительного. Пограничное соседство глагол/прилагательное – распространенное языковое явление. На арабском, например, можно строить настоящее время с помощью активного партиципа *أنا تساقط* ("я спускающаяся") – эта форма является партиципом глагола *نزل* ("спускаться").

Перемещения по линии времени приводят к семантическим вариациям. Для М. Абегиана [Abeghian 1965: 560] разница между формами *hognac em* и *hognel em* содержится в восприятии процесса. Первая (*hognac em*) – со-длительна настоящему времени, параллельна ему. Вторая (*hognel em*) упоминает результат в настоящем. К этому определению Абегиана мы можем прибавить, что перемещение в сторону пространства предполагает угасание временного напряжения. Если в *harakatag* угасание полное, то в *varakatag* оно – частичное.

¹² В английском, например, если предикат может подвергаться номинализации, то потому, что предикат в данном случае полностью статичен: *The book sells well – This book is a best seller.*

Отметим здесь одно интересное явление. Согласно Абегиану, партицип на *-ac* может употребляться со вспомогательным глаголом *inenal* (*Na erexan grkac uni* – "он держит ребенка на руках"). Согласно предложенной нами теории, это частичный переход к тенсивному глаголу, то есть ко времени, и *harakatar* можно поменять на *varakatar*: *Na erexan grkel e* – форма партиципа на *-ac* с временным значением употребляется в константинопольском диалекте: *Asank han tesac unis?* ("Ты видел что-нибудь подобное?")

И все-таки, в восточноармянском нет вспомогательного глагола *inenal*, и несмотря на отмеченные нами нюансы, партицип остается в рамках атрибута, то есть отмечает в основном предикативность. Как уже заметил Бенвенист, вспомогательный глагол "быть" – интегрирующий и составляет единое целое с партиципом (подлежащее интегрировано, пассивно). Тогда как глагол "иметь" – разделяющий, он придает подлежащему активную внешнюю позицию¹³. Ситуация в армянском намного сложнее. Необходимо различать вспомогательный глагол *linel* в *harakatar* от того же глагола в *varakatar*. Если в первом случае вспомогательный глагол реализует полный атрибут (полную предикацию), что приводит к сокращению актанта, то во втором, со вспомогательным глаголом начинается атрибутивное движение, которое не завершается, поэтому структура сохраняет объект (дополнение)¹⁴. В первом – выраженная вспомогательным глаголом бытность полная, во втором – частичная. Поскольку *harakatar nerka* находится в тесной связи со статичным процессом, он направлен не к пациенту (объекту) (как считает А. Донабедян), а к агенту, который одновременно является пациентом¹⁵. *Varakatar nerka* имеет дополнительные диатезисные возможности, которых нет у *harakatar nerka*. *Varakatar nerka* можно поместить между *harakatar nerka* и прошедшим совершенным.

Субъект		Объект
∅	<i>kartacac em</i>	∅
∅	<i>kartacel em</i>	Возможный
Обязательный	<i>kartaci</i>	Обязательный

Как видно из схемы, прошедший совершенный требует кроме глагольного лица (окончание *-i*) еще и личного местоимения. Если можно сказать

(23) *Mesropin erek tesel em*. "Вчера я видел Месропа".

Месроп (вин. падеж) + наречие + вспомогательный глагол, то в предложении:

(24) *Es Mesropin erek tesa*. "Я Месропа увидел вчера".

Местоимение + Месроп (вин. падеж) + наречие + глагол необходимо использовать личное местоимение. Использование первого лица в (23) – стилистическое явление, тогда как в (24) – оно обязательно и нормативно. Даже в том

¹³ "Интересно, что достаточно употребить вспомогательный глагол *иметь*, – пишет Гийом [Guillaume 1991: 144], – чтобы выразить прошедшее время без морфологических изменений". Но Гийом считает, что прошедший партицип совершенно безразличен к временным различиям. Возможно, что это не совсем так, потому что при этом, переход *Passé composé* в *Passé simple* был бы невозможен. А этот переход возможен, хотя бы только потому, что партицип имеет сему прошедшего.

¹⁴ Упоминание о каком-либо событии не означает, что оно длится до настоящего. Необходимо различать у п о м и н а н и е и р а с т я ж е н и е процесса до настоящего (*current relevance of a part situation and recent past*). Отсюда и классическое определение *varakatar nerka* – *Isovi* ("то, что известно по слухам").

¹⁵ Когда диатезис тяготеет к пассивной структуре, оперативность исчезает. Это означает, что граница между активной и пассивной структурами не такая, как можно было предположить.

случае, когда *harakatar nerka* получает объект (дополнение), фокализация остается на подлежащем. То же явление существует в английском:

(26) *I've cleaned the room.*

Es sen'akə makreci.

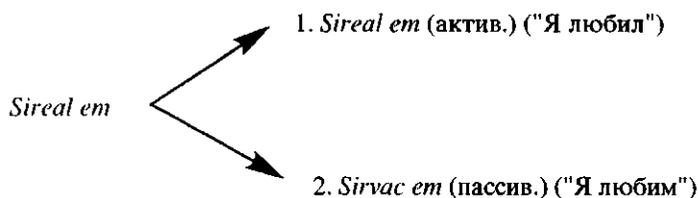
(27) *I've been cleaning the room.*

Es sen'akə makrac em.

Мы видим, что (26)-ой фокусирует событие на *room*, а (27)-ой на *I*.

Своим кинетизмом к пациенсу логически направлено активное прошедшее (Perfect). Это явление отнюдь не связано с типологией текста (как, например, считает Донабедян). Повествовательный ряд возможен в *varakatar nerka* (восточноармянский) и в *harakatar nerka* (западноармянский). Когда границы процесса A_1/A_2 (границы партиципа) логически акцентированы, результатом становится оторванное от настоящего прошедшее совершенное (Preterit). Процесс – в прошлом и взят полностью, пунктуально. Но, что же касается *harakatar nerka* (источник события), то здесь действующее лицо перемещено к страдательному (пассивному) ряду. На самом деле, это проблематика рода. Действующее лицо видит себя одновременно пациенсом.

Ачарян [Adjarian 1957: 216] говорит о *varakatar nerka*, что тема *-eal* инфинитива *грабара* (древнеармянский), откуда идет тема *-el*, может быть и активной и пассивной:

С морфологической точки зрения проблема находится во взаимоотношениях "прилагательное/глагол". Отмеченные Н. Козинцевой [Kozintseva 1996: 191] четыре значения для *varakatar nerka* восточноармянского, как то: функция настоящего; Perfect опыта; длительность; Perfect восхищения – могут быть объяснены вышеупомянутыми взаимоотношениями. Со стилистической точки зрения различия являются следствием этих взаимоотношений.

Эти взаимоотношения, или иначе говоря игра между пространством и временем, в русском языке, например, выдвинуты на передний план. Прилагательное может представляться в полной форме (*здоровый человек*) и в краткой форме (*он здоров*). Краткая форма вводит прилагательное в глагол, то есть отмечает переход от пространства к времени. В обратном направлении глагол (время) может вернуться к прилагательному (пространству): *Он устал* (глагол) – *усталый человек* (прилагательное). «В предложении: *J'ai marché* (я прошагал), – писал Гийом, – связь подлежащего "je" с партиципом "marché", с предикативной точки зрения равна нулю. Именно это отсутствие и создает, если вдуматься, переходность» [Guillaume 1987: 146].

Это верно также для армянского партиципа в *varakatar nerka*, который отмечает начало переходности, но не конец. Диатезис тут начал покидать объект и отступать к полюсу субъекта. По этой причине, современный восточноармянский взял форму Preterit для выражения другого прошедшего совершенного – Perfektum. Полустрада- тельная форма (полупассивная) не в состоянии была более осуществлять продолжение действия в настоящем. Но при этом прошедшее совершенное не может принять какое-либо наречие, выражающее полное прошлое. Предложение *Dprocə hacvēc 1930 tivin* должно быть переведено в Preterit: "Школа была открыта в 1930 году". "In general, – пишет Б. Комри, – the perfect is incompatible with adverbials that have definite

past time reference, i.e. time adverbials that refer to a specific moment or stretch of located wholly in the past" [Comrie 1985: 32].

Перемещение на линии времени и диатезис находятся в тесной зависимости друг от друга. Синтагма *ergel em* ("я пел") может в восточноармянском употребляться без объекта и при этом изменить значение ("я был певцом"). В то время как синтагма *ergeci* ("я спел"), употребленная с объектом или без него, не изменит своего значения. Возьмем два других примера:

(28) "Tšvarnerə" *kartacir?* (Perfektum I) «Прочитал "Отверженных"?»

(29) "Tšvarnerə" *kartacel es?* (Perfektum II) «Тебе знаком роман "Отверженные"?»

Эти два предложения используют разные позиции партиципа, несмотря на то, что в случае (28), восточноармянский использует форму Preterit (со значением Perfektum). Первая позиция (*kartacir*) направлена к полюсу объекта ("книга прочитана или нет?"); вторая направлена к полюсу субъекта ("ты из тех, кто прочел эту книгу?"). Именно такое объяснение дает Гийом для "amatus sum" в латинском.

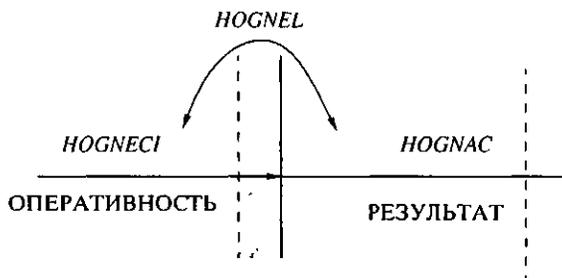
В связи с отмеченными позициями и разными диатезисами ответы на приведенные предложения (28) и (29) будут различны. (28)-ой потребует ответа "Да" или "Нет":

(30) *Ayo (oč) kartaci.* "Да (нет), прочитал (не прочитал)".

В ответе на (29)-ое повторится партицип, подчеркивая важность процесса, а не его результат:

(31) *Kartacel em.*

Фокализация следует вариациям диатезиса. *Harakatar nerka* фокусирует субъекта, прошедшее совершенное фокусирует объект. *Varakatar nerka* находится между этими двумя формами. Он фокусирует с одной стороны субъект, с другой – объект (бифокализация):

Переход *varakatar nerka* наполовину подчеркивается, когда к предложению прибавляется актуализирующее обстоятельство:

(32) *Avtobusə kič arač gnac.* "Автобус ушел только что".

(33) **Avtobusə gnacel e kič arač*¹⁶ (перевод на русский язык невозможен вообще).

В (32)-ом партицип (который в армянском формально не выражается) есть полностью глагол (+ динамизм). А в (33)-м границы партиципа не доходят до момента речи. Это явление еще более подчеркнуто в случае *harakatar nerka*, который имеет статус атрибута:

(34) **Avtobusə kič arač gnacac e* (непереводимо, хотя и возможно в западноармянском: *Avtobusə kič arač gnacac e*).

На этой стадии исследования возникает один существенный вопрос. Возможно, что изначально атрибутивная функция виртуально уже находится в семантизме глагола.

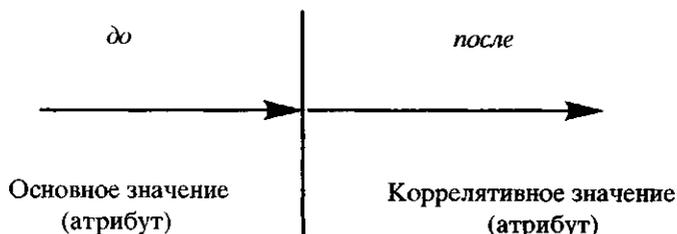
«Когда мы говорим: *Petrus vivit* (Петрус живет), – писал в 1796 г. Дж. Хэррис, – слово *vivit* содержит заявление и плюс к этому выражает атрибут жизни. Итак, сказать – "Петрус живет" – то же, что сказать "Петрус жив". Функция атрибута зарегистри-

¹⁶ Когда точка отсчета берется с партиципа, невозможно к предложению добавить абсолютное указательное обстоятельство: **Hima es cxel em* (Непереводимо).

стрирована в глубинном семантизме глагола. Это уже отмечал Аристотель (De Int., 3): "Глагол есть также описание чего-либо, что содержится в субъекте или относится к субъекту"» [Harris 1995: 120].

Для Дж. Хэрриса каждый глагол выражает изначально какой-нибудь атрибут, то есть то, что можно превратить в предикат (*Wolketh* – свойство шагания; *Writhet* – свойство писания). Классема "время" не исключительная в глагольной форме. Процесс или свойство – решит контекст речи. Время, кстати, можно выразить и другими частями речи. Исходя из этого постулата, Дж. Хэррис разделяет обозначение двух типов: 1) материальное, или понятийное; 2) формальное, то есть грамматические указания (род, вид, модальность, лицо).

"Обратите внимание на то, что слова, передающие время как главное понятие, перестают быть глаголом и превращаются в прилагательное или существительное. В качестве примера таких прилагательных можно предложить следующие слова: временный, годичный, недельный; а в качестве существительных: время, год, день, час и т.д." [Harris 1995: 89]

Как уже отмечалось, ситуация *до* партиципа относится к тому кинетизму, который направлен к имени существительному. И немецкий партицип, например, теряет свой вспомогательный глагол, когда перемещается к существительному. Ж.П. Конфе даже берет под сомнение связь между атрибутивными и настоящими глагольными партиципами: «Эти слова не называют никакого результата, никакого следа процесса, который бы показал, что, например, лоб выступает (*bombé*) или нос искривляется (*tordu*). Однако во французском, также как и в немецком, есть ложные партиципы, которые построены по моделям настоящих партиципов. Кажется, что некоторые из них имеют глагольное происхождение, несмотря на то, что их инфинитива не существует (см. *dépourvu*, *stupéfait*, *einverschtanden*), а другие образуются из корней, в основном имен существительных (см. *tigré*, *getigert*). Эти формы мы называем "реальные-ложные партиципы", поскольку они сохраняют партиципные следы, т.е. какой-то результат, временное предшествование. В выражениях "*front bombé*" и "*chat tigré*" (*gewölbte Stirn*, *getigert Katz*) свойства "*bombé*" и "*tigré*" (*gewölbtesirn*, *getigert*) прибавляются к смыслу и взяты как маркированные формы по отношению к нейтральной точке отсчета (нулевая степень)» [Confais 1995: 58].

Прежде чем обратиться к обсуждению этого высказывания, необходимо отметить, что партицип *dépourvu* имел, видимо, инфинитив *depourvoir* (это указано в "Историческом словаре французского языка" [DNF: 603]), но это вторичное образование.

Предложенный анализ неприемлем, поскольку атрибутивная функция не возникает просто так, из ничего: процесс и атрибут изначально связаны друг с другом, – одно предполагает другое. Выражения *bombé* и *tigré* перемещены в сторону *до* глагола, к атрибуту. Но было бы неверно сказать, что они не связаны с глаголом (каким-нибудь действием). Именно в этом разница между атрибутом и эпитетом. Первый связан с глаголом, второй – нет. Перемещение в случае с *bombé* и *tigré* привело также к образованию страдательного рода, в котором они и подверглись лексикализации. Отметим, что слова *front* и *chat* могут быть подлежащими, но не действующими лицами: *Son front est bombé*, но *Il a bombé le front*.

В любом случае, атрибут отмечает то явление, которое уже виртуально существовало в глаголе. Необходимо только отметить, что *атрибут* и *вид* сходятся. Партицип выражает субъекта в *виде* результата процесса, а маркирование (+ динамичность) фокусируют действие. По этой причине *varakatar nerka* в армянском по сути актуализирует не процесс как таковой, а его результат. Процесс лишь упоминается. Осуществление к моменту речи уже завершено. Прямой связи между процессом и моментом речи нет. Тогда как в варианте прошедшего совершенного эта связь акцентирована (*kartaci*). В *varakatar nerka* создается дистанция между подлежащим предложения (*énoncé*) и подлежащим говорения (*énonciation*). В форме *Kartacel em* есть два субъекта: подлежащее говорения упоминает некий, оторванный от момента речи субъект (*débrayage*), который помещен в прошлом. Отсюда, по-видимому, и подверженные кодификации употребления *varakatar nerka*.

(35) *Es cnvel em 1943 tvin*. "Я родился в 1943 году".

**Es cnveci 1943 tvin* (непереводимо).

Возможно, по этой же причине английский Perfect, который ограничивается настоящим временем, не может использовать разделяющие субъекты наречие: **I have arrived yesterday*.

Смысловая вариация предложения, о которой говорит Донабедян [Donabedian 1998] связана именно с этим временным несоответствием. Действующее лицо остается в поле момента речи, а процесс только упомянут. В *harakatar nerka* (форма с *-ac*), напротив, этого несоответствия нет, поскольку отсутствие семы "действие/время" создает семантизм прилагательного, то есть постоянную атрибуцию. Предложение: *Ekas e, seyan nstink* – должно переводиться не как "Он пришел ..." (сема "время/действие"), а как "Он уже здесь, сядем за стол" (отмечается перманентность). А в случае *varakatar nerka* (*ekel e*), в связи с семой "время/действие", нужно переводить: "Он пришел ...".

В семантизме *harakatar nerka*, как видим, отсутствует сема "время/действие". Поскольку А. Донабедян не учитывает это перемещение (согласно ее представлениям, *harakatar nerka* только глагол), то она пытается объяснить отсутствие семы "действие" в *harakatar nerka* тем, что наделяет обстоятельство семой "действие/время". Однако логически сема "действие/время" может реализоваться только в глагольной форме. Остается только согласиться с тем, что партицип в *harakatar nerka* в большей степени прилагательное и частично глагол. Вот приведенный Донабедян пример, где она наделяет обстоятельство "с лошадьми" семой "действие/время":

(36) *Mankut'iwms ancac e jierun het*. "Мое детство прошло с лошадьми".

Даже обстоятельство времени не в состоянии было бы здесь создать динамизм. «Дни, месяцы, годы, – писал Бенвенист, – неподвижные величины, выведенные из игры космических сил с незапамятных времен. Однако эти величины суть только названия, которые сами по себе никак не участвуют в явлении "время". В них нет времени. По этой причине их можно рассматривать в той же категории, что и числа, которые не имеют никакой связи с перечисленными вещами. Календарь сам – вне времени» [Benveniste 1966: 72].

Настоящее решение проблемы возможно только, если держать в центре внимания перемещение по линии времени, то есть различая разные субъекты: *о п е р а т и в н ы е*, *о п е р а т и в н о - п а с с и в н ы е* и *р е з у л ь т а т и в н ы е*. Вот что писал об этом Ж. Муанье: «Для решения вопроса нужно опираться на противопоставления оперативности и результативности. Существует такой глагольный род, в котором субъект занимает по отношению к семантизму глагола оперативную позицию, т.е. тут причина и реализация начинаются с субъекта. Это "активный" род для лингвиста. Существует глагольный род, в котором субъект находится в результативной позиции (...). Это традиционный страдательный род. Наконец, существует глагольный род, в котором субъект, начиная свою оперативность, сразу переходит к результату, он содержит глагольное напряжение в целом» [Moignet 1980: 105].

Именно этот последний случай выражает сущность *harakatar nerka*. Если здесь дей-

ствие не подчеркнуто, то это не означает, что "событие неопределенно" (Донабедян), просто оно перемещено от времени к пространству. Сема "действие/время" прервана, но не исчезла. Неопределенность не вызывается также неопределенным обстоятельством – наречием (неопределенное наречие не может употребляться с актуализированным глаголом). Неопределенность, просто-напросто, в самом партиципе на -ac:

(37) *Kani angam sksac em cxel ew jgac*. "Сколько раз начинал курить и бросал".

Если *kani angam* заменить дейктическим обстоятельством, например, "*Hingšabti*" (четверг), предложение становится непреемлемым:

(38) *"*Hingšabti*" *sksac em cxel eew jgac*.* "В четверг начинал курить и бросал".

Отметим, что и Aorist (оторванное от настоящего прошлое) не может использовать актуализирующее обстоятельство. В тех же случаях, когда они встречаются в одном предложении, на самом деле они функционируют в фиктивных рамках, без какой-либо связи с моментом речи. Как, например, в предложении:

(39) *Irapes ays angarm keanks sksav veri tē nmanvil*. "Действительно, на этот раз, жизнь моя стала напоминать роман".

В данном контексте выражение *ays angam* ("на этот раз") не есть актуализация, потому что имеем в виду прошлое. К. Гамбургер дает по этому поводу следующий пример: "Завтра был праздник" [Hamburger 1986: 80].

Таковы архитектоника партиципа в армянском языке.

* * *

Теперь можно вернуться к немецкому партиципу (Perfect). В действительности немецкий партицип содержит все те функции, которые были отмечены в армянском: "до глагола" (*harakatar*); "середина" между глаголом и прилагательным (*varakatar*); "после глагола" ("прошедшее совершенное"). То есть можно сказать, что партицип проходит путь от пространства ко времени, делая на этом пути три остановки. При этом мысль может двигаться по этому пути как в прямом, так и в обратном направлении. В варианте немецкого языка функцию (остановку) определяет контекст, формально она себя не выдает. В морфологическом выражении армянская система продвинулась еще дальше ("экзофрастия", по выражению Гийома). Английский для передачи таких нюансов обращается или к вспомогательному глаголу "go" или к "be".

"A useful illustrative example in English, – писал Б. Комри, – is the distinction between *be* and *go* in sentences like *Bill has been to America* and *Bill has gone to America*, since English here makes an overdistinction between the experiential perfect and perfect of result and implies that Bill is now in America, or is on his way there, this being the present result of his past action of going to (setting out) for America. In *Bill has been to America*, however, there is no such implication, this sentence says that on at least one occasion (though possibly on more than one) Bill did in fact go to America. In general however, English does not have a distinct form with experiential perfect meaning" [Comrie 1976: 59].

Можно и не согласиться с этим замечанием, ввиду того, что в английском есть так называемый "прогрессивный" Perfect, который на наш взгляд, соответствует *harakatar nerka* в армянском:

(40) *You've been drinking*. "Ты напившийся".

Du xmac es.

Это составная форма, которая может выглядеть парадоксальной, поскольку, с одной стороны, предполагается внешняя позиция субъекта (*have been*), а с другой – внутренняя позиция (*be + ing*). Вернемся еще раз к немецкому. Как перевести, например, такое предложение, как:

(41) *Er hat die Augen geschlossen*.

На французский это можно перевести в двух вариантах.

(42) *Il a les yeux fermés*.

(43) *Il a fermé les yeux*.

В армянском языке возможны три варианта:

(44) *Na pakel e ačkerə* (varakatar перка с *-el*).

(45) *Nra ačkerə pak en* (восточноармянский); *ačkerə pakac e* (западноармянский).

(46) *Na pakec ačkerə* (прош. сов.).

Ж.П. Конфе [Confais 1995] напоминает, что на севере Германии вместо Perfektum часто употребляется Präterit. Это означает, что Perfektum постепенно укрепился в функции результата, то есть дал субъекту внешнюю позицию. Сема "действие/время" перешла к претериту. А претерит сам (морфологически) взял функции перфектума (собственно, как в армянском). В английском языке то же самое происходит с помощью обстоятельств.

(47) *I was born in Warley. I've leaved here all my life.*

(48) *I was been ill for two months.*

Perfektum в немецком языке тяготеет в лексикализации. Как отмечает Земб, в предложении

(49) *Paul hat gestern einen Brief geschrieben.* "Вчера Пауль написал письмо" мы имеем дело не с цельным глаголом (*schreiben*), измененным во временной форме, где сливается время и вид, а с *видом* и *временем* в отдельности, т.е. настоящим, в котором само значение предложения. Возьмем следующий пример:

(50) *Um 4 Uhr hat er noch geschlafen.*

На армянский это предложение переводится в *harakatar perka*, отмечая переход в пространство (к прилагательному), то есть учитывая отсутствие семы "время/действие". Французский перевод использует *Imparfait* (функция характеристики, которая создает согласно Вайнриху, "задний план"). Другого способа отметить отсутствие оперативности не существует. Отсюда вытекает одно интересное обстоятельство: существует единое пространство, где могут встречаться прилагательное (статичность/динамика = *был спящим*) и *Imparfait*.

(51) *A 4 heures il dortait encore.*

* * *

Что можно сказать в заключение, исходя из всего изложенного в настоящей работе, для которой мы выбрали открытую структуру, сообразно свободному ходу мыслей?

Во-первых, что каждый язык решает свои семантические проблемы, исходя из собственной специфики. Но с другой стороны, глубинная архитектоника едина для всех языков. Ясно, что тут мы имеем дело с разными срезами на линии времени, с соответственным морфогенезом и соответственным синтаксисом. Однако мышление всегда одно и то же, в каждом отдельном случае. Различия начинаешь понимать тогда, когда возвращаешься к организации мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Abeghian M.* 1965 – *Hayos lezvi tesut'un*. Erévan, 1965.
Adjarian H. 1957 – *Liakatar kerakanut'un hayoc lezvi*. Erévan, 1957.
Benveniste E. 1966 – *Problèmes de linguistique générale I*. Paris, 1966.
Benveniste E. 1974 – *Problèmes de linguistique générale II*. Paris, 1974.
Bickerton B. 1982 – *What do children do when they mark past tense?* // "Texas linguistic forum". 1982.
Comrie B. 1976 – *Aspect*. Cambridge, 1976.
Comrie B. 1985 – *Tense*. Cambridge, 1985.
Chevalier J.C. 1978 – *Verbe et phrase*. Paris, 1978.
Confais J.P. 1995 – *Temps, mode, aspect, les approches des morphèmes verbaux et leurs problèmes à l'exemple du français et de l'allemand*. Toulouse, 1995.
DHF – *Dictionnaire historique du Français*. Paris, 1992.

- Donabedian A.* 1998 – Mode d'expression de l'accompli et aspectualité en arménien occidental // Actance. № 9. 1998.
- Guillaume G.* 1985 – Leçons de linguistique 1943/44. Lille, 1985.
- Guillaume G.* 1987 – Leçons de linguistique 1945/46. Lille, 1987.
- Guillaume G.* 1988 – Leçons de linguistique 1948. Lille, 1988.
- Gosselin L.* 1996 – Sémantique de la temporalité en Français. Bruxelles, 1996.
- Hamburger H.* 1968 – Die Logik der Dichtung. Stuttgart, 1968.
- Harris J.* 1995 – Hermes ou recherches philisophiques sur la grammaire. Genève, 1995.
- Humboldt W.* 1995 – La pensée dans la langue / Humboldt et après. Paris, 1995.
- Jespersen O.* 1909–1949 – A modern English grammar. V. 1–7. Copenhagen, 1909–1949.
- Joly A., O'Kelly D.* 1990 – Grammaire systématique de l'anglais. Paris, 1990.
- Kozintseva N.* 1996 – Types of Perfect meaning in modern eastern Armenian compared with English // Proceeding of fifth International Conference on armenian linguistics. New York, 1996.
- Langacker W.* 1991 – "Noms et verbes" // Communication. № 53. 1991.
- Moignet G.* 1980 – Systématique de la langue Française. Paris, 1980.
- Saussure F. de* 1955 – Cours de linguistique générale. Paris, 1955.
- Schane F.* 1981 – Temps, modes, aspects // Cahiers du CISL. № 3. 1981.
- Turner M.* 1996 – The literary mind. Oxford, 1996.
- Zemb J.M.* 1984 – L'aspect, le mode et le temps. Paris, 1984.